

Человеко-час – единица учета отработанного времени, соответствует одному часу работы одного человека.

«Википедия»

Время на вахте тянется медленно. Новый день не спешит сменить старый, порой дни кажутся мне такими же длинными, как возводимый нами газопровод. Дни на строительстве такие же тягучие, как этот забытый в сенах и прихваченный первым осенним заморозком мед – упирается в банке и не торопится вываливаться на блюдце. Мать выглядела у районного универсама объявление: «Требуются рабочие!» – и благословила в дорогу литровкой липовца – чем смогла подсластила мою первую рабочую вахту. Заботливо укутала банку в старенькое махровое полотенце и тайком подложила мне в рюкзак, к смене белья и посуде. Одна тарелка, кружка, ложка с вилкой – вот, пожалуй, и все, что я загодя знал о своей предстоящей работе.

Еще полчаса назад я трясся после очередной смены в уазике по лесной грунтовой дороге, не в силах оторвать голову от противной дробы оконного стекла. Казалось, не будет конца зажавшим меня с обеих сторон уральским елкам – высоченным темным теням, уходящим макушками в тусклое небо. Я думал, что только доберусь до койки и прямо так, не ужиная, не снимая сапог, уткнувшись немытым лицом

в подушку – забудусь до утра. Но разулся, залез на верхний ярус кровати, немного отогрелся в снимаемом бригадой доме, и от неизбежности скорого отдыха усталость терпимо осела в ногах, а глазам сделалось не до сна.

Мужики по вечерней традиции облепили большой деревенский стол, каждый привычно сидит на своем месте: сварщики кучкуются справа, механизаторы и водители слева – вразнобой. Звонкая повариха Надя, из местных, по-пермски ударяет на последний слог. Широкая, не обхватишь, она раздает наваристый борщ щедрым, как сама, половником. Мясной навар чувствуется по густому запаху – хочешь не хочешь, поднимешься с кровати, еще и язык проглотить в ожидании своей порции. Беру свою знакомую с детства эмалированную тарелку – белую, гладкую, без единой щербинки, с гроздьями рябины и снегирями по краям.

Во главе стола Владимир Носков – по-бригадному Батя. Возле его бывалой побитой алюминиевой миски, на непокрытой столешнице из потемневших грубо струганных досок, – россыпь очищенных зубчиков чеснока и добрые ломти черного хлеба – размером под стать кулачищам бригадира.

Один из этих кулаков приложил мне сегодня под дых, сложил пополам мое юношеское хилое тело. Награда за то, что при разгрузке труб забыл подложить упоры под нижний ряд пирамиды. Продышав-

шись, хотел было огрызнуться – мол, куда они, трубы, денутся, но Носков упредил:

– Говорил в прошлый раз про упоры? Не упоры, так упорные призмы делай! Здесь, паря, не школа, здесь двойки не ставят. Мы тут друг перед дружкой в ответе. Заруби себе на носу или собирай манатки.

Клопочет во мне мальчишеская обида, аж пузырится борщ в ложке. Минули двадцать шесть смен из положенных тридцати – и все они были, как на подбор, шиворот-навыворот, сплошные излом да вывих. Подсобный рабочий – не сварщик, не водитель, не изолировщик – каждое утро новое назначение. Рубить кустарник, укладывать плиты через топкие места, вручную шурфовать траншею, дабы не повредить пересекаемые подземные кабели, – каждый день новая наука. Тяжко. Каждый вечер – хоть отжимай спецовку, и, главное – не проходящая ломота, беспрестанно ноют спина, ноги, руки, даже шея. И это я еще деревенский, привыкший к работе – как никак один мужчина в семье.

Особенно тяжело мне по утрам отходить ото сна. Впереди двенадцатичасовой рабочий день (минус короткий обед плюс длинная дорога), а тело так и просит передохнуть, умоляет – «хотя бы один выходной». Сегодняшний бригадирский удар под дых обдал сродни пронзительному колокольному звону, подвел во мне неутешительную черту, вывернул наизнанку душу. Хватит! Завтра четверг, значит, приедет начальник участка, уеду с ним до ближайшей автобусной остановки. Расчет и шабаш! Вынь да положь, начальник, мои тридцать девять тыщ, по полторы за смену! А послезавтра будет новый день, день моего рождения, будет и новая жизнь. Уж как-нибудь...

Напоследок решил угостить бригаду медом – беррег ко дню рождения, но, видать, не судьба. Мужики с нескрываемыми ухмылками посматривают на выставленное мной угощение и налегают на второе – макароны с тушенкой. Их мощные желваки смачно ходят под кое-как бритыми, распаренными от печного тепла щеками. Только Надя поддерживает мое немое приглашение и пробует ложечку:

– У-у-у, липовый... Медовуха у меня в этом году...
– Отставить медовуху, – сипло обрывает на полуслове непрожевавший Носков.

У него на стройке сухой закон, к концу вахты мужики и так на пределе, ни к чему лишние соблазны.

Чуть тронулась предрассветная темь, а утро в бригаде в самом разгаре. Подъем дался мне на

удивление легко, знать, голова сегодня верховодит над телом – ничего не чувствую, кроме радости носящегося внутри вопля – «последний день!». Обошелся стаканом пустого чая, мужики же, как обычно, завтракают плотно, доедают вчерашние макароны. На бригадира что-то снизошло, он пижонит – пожарил аккуратную глазунью из трех яиц и попросил передать батон:

– Дай-ка белого, черного в армии наелся.

Сварщики гогочут шутке, как и работают – слаженно; в их звене, как у мушкетеров из книжки – один за всех и все за одного. Носков положил четыре куска сахара в стакан чая, долго помешивает и пристально смотрит мне в глаза. Пробирает меня насквозь его матерый взгляд. Достал ложку, стряхнул на пол и жадно, вполовину стакана, отхлебнул.

– Николай! Поступаешь в распоряжение старшего сварщика Терехина. Едете с начальником участка и геодезистами принимать следующий участок газопровода. Запасись топором, колышками и сигнальной лентой. Форма одежды дождь. Как понял?

Я как бы играючи отдаю честь:

– Вас понял, товарищ бригадир!

– То-то же... вольно. – Носков ломает здоровенный кусок батона и варварски давит желток.

Работа подсобника при приемке трассы трубопровода – не бей лежачего, не было у меня еще здесь такого курорта. Показали пальцем – вбивай кол, соедини лентой с предыдущим – всего и делов. Вот бы вчера на такую прогулку – для работы достаточно одной левой руки, а под правый локоток можно и барышню прихватить.

Не прислушиваюсь, о чем перекликаются впереди начальник участка Шутов и Егор Терехин. В их паре верховодит бас не по голосу жидкого Сан Саныча. Проплешина прибирает его последние черные волоски – издержки нервной профессии. Отчего-то не растут у него и брови, отсюда прозвище – Фантомас. Сдержан с ним, не смел, плечистый, обычно разухабистый Егор – чай, начальство повыше Носкова. Жду удобного случая переговорить с Шутовым. Но они с Терехиным пикет за пикетом довели трассу до лога – все, конец участка, а возможности поговорить так и не подвернулось, Егор не отходит от начальника ни на шаг. Закуриваем, пока геодезисты собирают аппаратуру. Тянуть некуда.

– Александр Александрович, мне бы это... пару слов с вами перед уездом. – Моя неуверенность коверкает слова. Встречаться с конторским руководством лоб в лоб еще не приходилось.

– Ну...

- Справку мне надо... – вру я, не в силах сказать при Терехине прямо. Вру и тут же ненавижу себя за свою трусость, стискиваю правой кулак. Мне кажется, я сейчас с мясом вырву большой палец.
- Так почему не через Носкова?! Ешкин-кошкин!
- Срочно справка нужна... как ее? Забыл название... в доме, в сумке, образец... что-то важное, матери для собеса... обождете меня, как вернемся?
- Мне бы сейчас тоже какая-нибудь справка не помешала, парень. Причем любого образца. Не знаю, как вы, ребята, а я отлучусь на пару минут, – морщится Шутов.

Начальник участка неуклюже бежит к лесной опушке. Шлепает прямыми ногами, будто сапоги ему на несколько размеров велики и он боится из них вывалиться. Мы с Терехиным смеемся его пингвиньему забегу.

- Если на Батю закурил, то зря... – раскуривает новую сигарету Егор.
- С чего ты взял? – В мое лицо наверняка ударил разоблачающий румянец. Не умею я врать.
- Два плюс два сосчитать не сложно. Видел, как вы вчера... толковали. Что сказать? В прошлом сезоне в бригаде Панова труба раскатилась, диаметром, кстати, поменьше нашей будет... Так ихнему монтажнику в траншее обе ноги перебило. Шум, гам, комиссии... Конторе, понятное дело, втык, но о том ли, Колян, печаль? Парень до сих пор не может по специальности работать – перебивается охранником на автостоянке... Сложный перелом, разрыв ахилла.

Похоже, я совсем раскраснелся. Щеки горят. Надо срочно сменить тему:

- Давно хотел спросить – почему вы Носкова Батей зовете?

Терехин пожимает плечами:

- Ну вот, какой, к примеру, твой отец, Колян? Меня будто снова ударили под дых – потревожили самое больное место.
- Да я своего один раз и видел... Пообещал в «Диснейленд» свозить в Париж и пропал...
- Извини, брат, не знал... Не понять тебе тогда, наверное. Еще раз извини...
- Потопали обратно, мужики! – громко объявился сзади Шутов. – Мне еще в «Трансгаз» надо успеть, и справка, ты говоришь, будь она неладна... Эх, хотел напрямки! Ешкин-кошкин!
- Какой быстрый! – притоптал окуроч Терехин.

Семь километров по раскисшим полям, вырастают на пути неудобные перелески – полтора часа быстрого хода, не меньше. Еще октябрьское небо осложняет дорогу назад – придавило сверху свин-

цом, нет-нет да и брызнет. Геодезисты отстали под тяжестью оборудования, их, как дорогих гостей, сопровождает радушный Терехин. Торопится начальник участка, и я, подсобный рабочий без отчества, не отстаю, иду с руководством след в след. Вроде и рядом мы, а вроде между нами пропасть. Неблизкую дорогу в народе принято коротать разговором, но как тут заговорить? Читал, что порой переходы сближали генералов с рядовыми, но... мямлю в спину Шутову:

- Александр Александрович, тут такое дело...
- Краем уха зацепил, ты про Носкова у Терехина интересовался... – перебивает начальник участка, – Скажу от себя пару слов. Хороший он мастер, надежный. Мне, когда я с ним работаю, спокойно дышится... как вон той свистели. Слышишь? – Шутов повернулся и указал на облетевший березовый сколок. Улыбка оживила его до того каменное лицо. – Хотя вы, молодые, ни хрена не слышите. Вам бум-бум подавай!

И снова впереди меня маячит начальственная лысина, снова между нами пропасть, снова ищу удобный случай заговорить. На полпути останавливаемся перекурить, сейчас уж я точно выложу все как есть:

- Я это... рассчитаться решил.
- Что так?
- Да в армии, поди, попроще, чем здесь, на стройке у Носкова...

Шутов глубоко, до морщин, затянулся, будь у него брови – переломились бы пополам:

- Лет пять назад случай был – врезали мы новую нитку в действующий магистральный газопровод. Не наша работа, конечно, на то есть специальные бригады в «Трансгазе». Но выбились из графика, заказчик гнал – рублем могли серьезно пострадать и рабочие, и контора... Одним словом, как всегда в конце стройки – дым коромыслом. Дело шло чин чинарем – заглушили задвижку, установили запорный шар, выжгли остатки газа через вытяжные свечи. И газоанализатор ведь, мать его, ни на минуту не выключали! Все по СНИПу – вот тебе крест. Вдруг шумок нарисовался, будто самолет вдалеке летит. Признаюсь тебе, но строго между нами – растерялся я тогда. Да и было ли время сообразить? Может, с десятков секунд и ушло на все про все – это задним числом кажется вечность. Случалось у меня такое раньше, когда медведя в лесу встречал – и бежать нельзя, и стоять страшно. Только Носков понял, что к чему. Благим матом заорал: «Быстро все из котлована, сука!», даже покрепче были слова. Я с места не могу сойти, за шкуру он меня вы-

Когда учился
у мужиков строповать
по-настоящему,
из имеющихся подручных
средств, вспоминал фразу
из фильма «Девчата» –
сколько, мол, можно
приготовить блюд
из картошки – жареную
и пюре.

* * *

День рождения. С утра вместо того, чтобы вышагивать павой, прячу от мужиков глаза, не хочу признаваться бригаде, что сегодня стукнуло девятнадцать. Мой взгляд елозит по тарелке, зарывается во вчерашнюю гречку. То же самое продолжается в узике по дороге на объект – устался в водительский вымпел и болтаюсь вместе с ним вправо-влево. Силюсь разглядеть надпись на вымпеле, но его порядком мотаает на кочках, и никак не выходит прочесть. Муторно тянутся для меня тридцать километров пути, в салон будто пробивается правящий снаружи туман. Впустую молотят дворники – не делают картинку четче – там, за лобовым стеклом, расплылась размазня-осень, цепляется за свои последние деньки.

Носков до обеда в «Трансгазе», на стройплощадке верховодит Терехин, я при нем – сегодня на разгрузках. Уже пришла забитая под завязку «газель», где-то на подъезде машины с железобетонными изделиями, с запорной арматурой. Надо успевать до шестнадцати ноль-ноль – задача Носкова. Терехин суетится, по несколько раз пересчитывает коробки с электродами, прежде чем подписать накладные, долго не может определиться с местами складирования плит. Вместе с ним нервничают водители, не отходят от него ни на шаг, громко, вздохом, матерятся. Пятница! Наверняка имеются планы, а тут очередь.

– Это у вас вахта – солдат спит, а служба идет. А у меня оплата от километража! Отпускай, начальник! Вилы!

– Не боись! До обеда отпустим, – бодрится Терехин.

Сегодня чувствую уверенность в работе. Стропальщик – первая освоенная на стройке специальность, есть по этому поводу в моем нагрудном кармане и официальный документ. Но что книжная теория? Когда учился у мужиков строповать по-настоящему, из имеющихся подручных средств, вспоминал фразу из фильма «Девчата» – сколько, мол, можно приготовить блюд из картошки – жареную и пюре. Так и при разгрузке – схем крепления грузов столько, насколько хватит смекалки в голове. Я на глаз определяю вес плит, отмечаю расположение арматурных проушин, достаю из склада-контейнера нужный мне 4СК – «четырёхветвевой строп канатный» – на рабочем языке просто «паук».

Позже, чем обычно, сообщают – «обед», – так бывает, когда бригадир задерживается по делам. Я как раз управился с последней разгрузкой.

ташил. Следом газ хлопнул и тишина – заложило уши, ешкин-кошкин! Накрыл такой жар – аж брови с корнями выгорели. С тех пор не растут у меня брови, а вы, дураки, ржете! Дудки, говоришь?! Ага, дудки! Думаешь, не знаю, что Фантомасом меня за глаза зовете? Знаю... я все про вас знаю... Задвижка трансгазовская, зараза, травила... Если бы не Носков, сгорел бы я тогда. Если бы не лестницы, как по нормативам положено, и ребята бы не все выбрались. Такая вот история, парень... Такая, брат, свиньячья петрушка – стройка!

Мне кажется, что нужно кровь из носу поддерживать разговор с разволнованным начальником:

– Александр Александрович, а с тем медведем-то вы как в лесу разошлись?

– Да, честно говоря, сынок, он сам меня тогда испугался. Хотя я долго потом девкам по-другому рассказывал... Ха-ха-ха!

Мы тяжело, как с похмелья, выходим к машинам.

Старый и малый в огромных от грязи сапогах – за день пройдено с два десятка километров. Моросит. Шутов скидывает сапоги, убирает их с мокрым плащом в багажник – дает мне время на раздумья. Садится в служебный «Рено-Дастер», потирает ладони и крикает от удобства ног в модельных туфлях:

– Ну, что стоишь? Поехали... за твоей справкой.

– Да я тут подумал – торопитесь же... Да и правы вы, через Носкова подам, нет там никакой особенной спешки.

– Удивляюсь я вам, молодежь! Хотя... У меня такой же растет, ешкин-кошкин!

– Пригай, салага! Подброшу! – зовет в кабину крановщик-шабашник.

За полдня мы сроднились с этим энергичным толстяком, на каждый случай у него припасена для меня поучительная история.

Отнекиваюсь. Люблю пройтись до бытовки, места обеда, пешком. Иду посерединке нарезанной спецтехникой глубокой колеи вдольтрассового проезда. По пути можно оценить, сколько смонтировано газопровода – километры траншеи уже засыпаны, о проделанной работе напоминает широченная распанная экскаваторами черная полоса – есть в этой большой работе и моя скромная толика. Кланяются мне выведенные наружу крановые узлы – они еще не огорожены, не окрашены в желтое; торчат – некрасиво-темные, вымазанные землей, тронутые ржой, но почему-то радуют меня. Можно по пути на обед просто оглядеться, глубоко вздохнуть – отдохнуть от звука дизелей и запаха сгоревшей солярки. Оказывается, при желании можно услышать свиристель, как подметил вчера наблюдательный Шутов.

Обычно я захожу в бытовку к шапочному разбору – выскребаю из обеденных термосов остатки, без свойственного мужикам азарта наполняю свою тарелку. Не появился во мне еще такой азарт к еде, не прорезался такой же, как у них, звериный аппетит. Может, поэтому я до сих пор не чувствую себя в бригаде своим? Мне куда важнее сам перерыв, передых, гораздо важнее, чем трапеза. Хотя Надя готовит вкусно, наверное, даже вкуснее матери.

Обедать еще не начинали, мужики толкуются у бытовки, синего вагончика шесть на два у пруда – яркого пятна в вытоптанном колесами и гусеницами поле. Рядом – ровно, по-японски сдержанно, как книжный самурай, сопит трехсотый экскаватор жизнерадостного оранжевого цвета. Наш мутно-серый пассажирский УАЗ обозван в техпаспорте красиво – «белая ночь», не видали они, что ли, там на заводе белых ночей?

Стрельнул сигарету – свои кончились, денег на новые пока не заработал. Перекур в обед и после смены – ритуал, подведение промежуточных итогов. – Чего ждем? – интересуюсь я у Валеры, водителя УАЗа, самого щуплого из бригады.

Он лыбится и пожимает плечами. Он всегда лыбится – видно, работа у него такая, веселая. К тому, что на мои вопросы в бригаде через раз пожимают плечами, я привык.

– Скажи ты ладом, Валера! Привез обед-то? Бригадир здесь? – Опять в ответ дурацкая улыбка.

Из бытовки выглянул Носков, тоже отчего-то рот до ушей:

– Прощу, мужчины!

Что это с ним? Наверное, этой ночью выпадет снег. У стола, на треноге, татарский казан, запах, как в районной восточной кухне, Носков в Надьином переднике с шумовкой в руках. Белиберда какая-то!

– Есть у нас сегодня, мужчины, повод для укороченного рабочего дня и праздничного плова, – загадочно светится бригадир. – Но кто-то пытается этот повод закилить! Видно, боится, что мы уши ему оторвем. Да, Николай? Давай, ребята, поднимай именинника девятнадцать раз!

Бытовка заходила ходуном, не провалились бы под ногами доски. Меня зажали в плотное кольцо, сильные руки задержали уши. Я, смущенный до невозможности, отвечаю на поздравления мычанием и кивками головы. Мне одновременно и приятно, и неловко от всеобщего гама. Уши хрустят, того и гляди, не сдюжат.

– Есть у нас тебе подарок, Николай, настоящий, бригадный, от души. Принимать его строго на-тошак. Ты уж прости, но надо завязать глаза, – руководит процессом Носков.

Я тут же ослеп, кольцо вокруг меня сжалось еще плотней, не чувствую под ногами пола – мужики подхватили на руки. По глотку свежего воздуха понимаю, что вынесли из бытовки, усаживают куда-то и связывают. Слышу голос Носкова:

– Хорош! Снимай повязку!

Я сижу в ковше экскаватора, намертво стянут текстильными стропами. Носков пронзительно свистит в два пальца. Стрела поднимается, и башня начинает бешено крутиться. Меня кидает вниз, вверх, крутит в одну сторону, резкая остановка – в другую. Я не в силах молчать, стыжусь, но тоненько лепечу:

– О-о-о-о-о-о!

С увеличением скорости уходит всякое стеснение, кричу во весь голос. Мужики тоже кричат внизу – свистят, ржут, хлопают в ладоши. Боюсь только одного – выдержали бы стропы. Вцепился в них что есть мочи, как парашютист. Несколько раз ездили с матерью в городской парк, я с легкостью переносил все тамошние аттракционы. Но никогда так не захватывало дух, как сейчас. Только бы выдержали стропы!

– Стро-опы-ы! Стро-опы-ы!!!

Я весь в воде! Ковш скользит по пруду, от перериваний совсем не чувствую холода. Я уже у бытовки, подлетают мужики, высвобождают из строп. Долго ли, быстро ли, не знаю – потерял счет времени. Опять схватили меня на руки, несут в бытовку –

раздевают, растирают ладонями спину, грудь, ноги. Надевают сухой комплект спецодежды.

– Налетай на горячее! – командует Носков. Подмигивает мне и впадает в тарелку плова с верхом – так, что не выдать ни рябины, ни снегирей.

У меня все еще кружится голова; по кругу – сплошь веселые, возбужденные лица. Без конца треплют мои плечи, затылок. Кажется, в ответ я не проронил ни единого членораздельного слова. Ноги трясутся мелкой дрожью, но совсем не хочется садиться, ловлю спасительный баланс и приятную слабость. Дышу всеобщим гомоном частыми короткими вдохами – пульс, наверное, далеко за сто ударов. Чай! Обжигает губы, горло, язык! Кто-то насыпал чересчур много сахара...

Подчистую опростали казан, даже подтерли по стенкам масло хлебными корками. Ничего не осталось и в чайных термосах, а, кажись, только-только пригубили. Темнеет, пора домой. Мужики курят, травят анекдоты и плотно усаживаются в узике цвета ненастоящей белой ночи. Бригадир обнимает меня за плечи и ведет к стоящему под парами бортовому КамАЗу:

– Прокатишь? Тридцать километров, Париж – Дакар. А, Николай?

– Да я никогда на грузовике... – Это опять не я, это моя неловкость. Говорю и тут же жалею, что отказываюсь.

– Давай за руль! – улавливает он мою с трудом скрываемую охотку.

От волнения суечусь, кисть никак не схватит мокрую ручку двери кабины. С трудом поднимаюсь на подножку, проскальзывает грязный сапог. Наконец-то подо мной пружинят амортизаторы водительского сиденья. Носков уже рядом, его большая горячая ладонь ложится поверх моей:

– Видел твою анкету, знаю, что есть права, но забудь легковушку! Здесь все по-другому. Сцепление – только тронуться, это ты умеешь, дальше вместо сцепления газ. Синхронизаторы даже не ремонтируем, они ни к черту! Газ – убрал с передачи, газ – воткнул передачу. Понял? Коробка – два ряда по четыре скорости, всего, стало быть, восемь. После четвертой на нейтраль и вбок от себя с усилием до конца – переходишь на второй ряд – пятая, шестая! Понял? Тормозить надо заранее, загодя предугадывай торможение, в этом сложность. Обязательно начинаешь тормозить двигателем, понижаешь передачи – четвертая, третья, только потом аккуратненько тормоз. Понял? Аккуратно! Всегда работает связка коробка – мотор, тогда машина как натянутая струна,

одно целое с дорогой. Нейтралка только при прекращении скоростей. Ну? Давай, трюгай потихоньку, с третьей передачи. Я рядом.

Тридцать километров позади, а кажется, что отмахал не одну сотню. Час в пути, никак не меньше. Отваливаются руки – непросто ловить колею, руль люфтит почти на полный оборот. Свет в порядке, фары бьют далеко. Провожают за горизонт день – двадцать восьмой из положенных тридцати.

